

Пазик, «бывавший на всех фронтах», вёз Леонида к берегу Белого моря. Набегали и удалялись за окнами редкие селения, лес постепенно редел, всё чаще встречались серые пролысины болот. Заканчивался ещё один день из отпуска, с трудом выпрошенного для прощания.

Леонид ехал хоронить Кешу, друга-вахтовика. На работе заверил начальство, мол, туда и сразу вернётся, пить будет в меру.

Солнце повисло на горизонте и никак не желало сесть. Вдруг автобус затормозил. На дорогу вышел и замер лось. Дёргал ушами, смотрел чёрным глазом в лобовое стекло. Автобус снова поехал, когда лось, наконец, скрылся в сосновом бору.

Асфальт, асфальт, грунтовка. Скачок на каждой кочке вытрясал душу, стучали невидимые железки по карманам и где-то в горячем нутре пазика.

- Поставили таксофон, но надо карту покупать. А за ней тридцать километров! Ага? Каково?! Это пятьсот шестьдесят рублей на бензин. Только купил, три минуты поговорил, лимит исчерпан, новую давай, - возмущались сзади.

Пять часов езды Леонид думал о чём угодно, кроме Кешы и предстоящего. Требовалось пережить всё как нужно, по-мужски. А воспоминания всё равно снова и снова жгли керосин в аквамариновом вахтовом вагончике, который делили они с Кешей в Лангепасе: Кешины щеки, сжатые улыбкой, его золотые коронки, рябая зимняя тайга, водка с сосисками, дурацкие шторы с белыми пегасами, залихватские присвисты тракторного мотора...

Соседка слева, девушка в серой вязаной ушанке, держала на коленях большую корзину, обвязанную цветастым платком, наглаживала её, словно та была живая.

- Котик у меня там, - ответила она на вопросительный взгляд Леонида.

Корзина была похожа скорее на гроб. «Котик» не подавал признаков жизни.

На последнем изгибе дороги лесной занавес раздвинулся. Автобус въехал в старинное поморское село Калгалакша. Селение тянулось вдоль побережья приземистыми, одноэтажными домами, обращёнными к морю. «Одножирной» – говорил Кеша. Так поморы называют одноэтажный дом.

Автобус остановился, тяжело выдохнул. Кот стал рваться из корзины, – оказался здоровым чёрным котищей.

Калгалакша встретила сильным и холодным ветром «морянской». Леонид вышел из автобуса и накинул капюшон куртки на голову. Поспрашивал про нужный дом, побрёл вдоль улицы.

Не было больше воспоминаний, не было тёплой тоски, только от страха немели живот и щёки. Леонид изо всех сил старался не думать о том, что Кеша младше него

всего на три года и не представлять, каково сейчас Кеше, где он сейчас, если его больше нет в теле.

Гнать от себя всю ужасающую философию смерти, гнать! Условился же сам с собой – только смотреть и слушать, перенести, если попросят, переставить, если потребуется, не думая. Жить эти часы только телом, только руками, чтобы потом помыть руки и увезти вместе с телом подальше. Там, позже, можно уже будет почувствовать. Не здесь.

Сзади приближался шум, Леонид посторонился. Прошла мимо оранжевая коробка камазной кабины, а потом потянулись длинные сосновые брёвна. Они всё тянулись, тянулись... Время не торопило.

- А ты кто будешь? - старик в белом кепи стоял рядом тут же на обочине, пережидая пока проедет лесовоз с прицепом.

- Мошниковых. Я друг...

Леонид хотел добавить, чей он друг, но старик сам всё соединил:

- Ага, сходи. Попроси, шоб привет в земле передал Тоське моей.

- В земле?

- С другого села-то перевозят, брёвна, - старик проигнорировал вопрос, - дом-интернат для старья строить будут. Как занежем, так туда и поедем. Я им только сказал, в лесу не хороните меня!

- А чего? - спросил Леонид.

Старик засмеялся:

- Так птицы с ветвей насерят!

Леонид тоже заулыбался. Разошлись со стариком выше по дороге. На самом верху склона Леонид наконец остановился перед железными воротами нужного дома, подсобрал губы. На металле, открашенном голубым, под кнопками держался альбомный листок: «Продается рыба: Сиг – 1 кг 100 р., Камбала – 1 кг 100 р.».

И тут же сзади подошли какие-то мужики, тихие, высокие, широкие, внесли волной в дом.

В доме пахло рыбой и тестом, толпились люди, говорили одновременно. Мать Кеши, тётъ Рая, гладила крышку закрытого гроба, как показалось Леониду, до одеревенелости напряжёнными руками. Руки подрагивали, постукивали по красной ткани.

Мужская волна плечами, животами поволокла к гробу. Леонид только повторял движения, не успевая думать, – поднял гроб, взвалил на плечо, пошёл, пошёл. Никто ничего не сказал, не окликнул, не спросил ничего.

До кладбища ничего и не было: только усталость в ногах, только острый сосновый запах в носу. Пошли осторожно между могил. Среди обычных православных крестов встречались старообрядческие резные столбики-гольбецы – надгробия в виде «домика» с крышей. Были ещё какие-то с резным рисунком и надписями, прочитать которые Леонид не мог.

Дошли до свежей ямы. Подумалось: вроде не под деревьями, птицы не насерят, нормально. А потом всё совсем быстро – опустили, потолпились, перемешиваясь перед ямой. Леониду передали лопату, стал кидать песок и супесь на крышку гроба, потом ровнял...

Вернулся в дом с той же «похоронной» бригадой, с ней же усадили за стол.

- Только ушли, теперь вот дождь падат. Хорошо, - приговаривала какая-то женщина, наливая мужикам водки.

На столе было полно рыбы: в пирогах, похлёбке, салатах. «Мы – рыбные души» – говорил Кеша, а Леонид вот вспомнил эти его слова за тресковой жарёхой. Пили водку, пили горячий поморский кёж и ели, ели, быстро-быстро. Ложку – из рыбного салата с морошкой, ложку – из селёдки с луком. Наконец мужики встали и вышли. И Леонид встал, а сесть снова было уже стыдно. Неуместно было бы после всего сказать, мол, я вообще-то Лёня, тот самый, я долго ехал, даже в туалет не сходил с дороги.

Хотелось, чтобы кто-то сам узнал, остановил, что-то вспомнил, показал альбомы или вещи, что-то подарил на память, грузило, например, или фотокарточку... Но все вышли, и Леонид тоже вышел. Со всеми пошёл в сторону моря, а там остался один.

Облака лежали на морской воде белой пеной. Шёл отлив. Море стремительно стягивало с берега серую воду. Леонид зашёл в ивняк справить нужду. Только выйдя, заметил на берегу старуху в калошах и с удочкой.

- Чейный? Чего такой? - спросила.

Леонид поджал уголок рта:

- Да...

Старуха закидывала удочку не из-за головы, а тяжело поворачиваясь через плечо, всем телом. Коротко скрипела и сразу же заходила кашлем.

- Не наш. А чужая сторона и без мыла вымоет, - еле разобрал Леонид.

Он потащился дальше по кромке, прошёл метров триста. Там поперёк берега на шестах тянулась лента сети, словно волейбольная сетка на поле. Посреди крюком висела большая черноспинная сёмга с распахнутой пастью, кричала в небо. По берегу недалеко блуждал рыбак с ведром.

- Живём у моря, почему ловить нельзя? А жизнь заставляют, - начал он чего-то оправдываться. – В том году вообще ничего нельзя было, селедку – и ту по билетам, до двадцатого июня, а за билетом еще наездишься...

Он поглаживал на Леонида опасно, готовый в любую минуту заслонить добычу от чужака, но из сетей сёмгу не доставал.

- Браконьерим, получается... - наконец, обречённо признался мужик.

Леонид безразлично пожал плечами. Тогда рыбак дошёл до рыбины, вынул из сети и повесил её на колышек. Отошёл. Леонид, вздохнув, пошёл прочь. Обернулся на

холме, увидел, как рыбак промыл сёмгу в воде, сунул в ведро и облизал пальцы.

На станции Леонид взял билеты обратно. Бесстыже рассматривал бирюзовые серьги и бусики кассирши. Рыжие кудрики выглядели из-под белого платка. И кудрики, и всё вокруг было некрасивое, старомодное, чужое. И в очереди все чужие, и в курилке за туалетом, и чего он здесь от всех хотел... Ради чего ехал? Ради кого?

И вдруг поглядел на часы, как спохватился, выбежал из автостанции, нашёл продовольственный с огромной безвкусной фотографией россыпи продуктов в витрине и купил любимых кешиных шоколадных вафель.

Снова начался дождь, но казалось – ветер приносит брызги Белого моря. Леонид стянул капюшон у горла пальцами и почти побежал в сторону кладбища. Тут и накрыло. От всего. От того, что не успел приехать раньше, что не увидел Кешу в гробу, в костюме, в чём он там, что ничего не успел ни сообразить, ни почувствовать (договаривайся, не договаривайся с собой), что столько ехал, чтобы неузнанным дураком одиноко мёрзнуть по чужим улицам, словно он сам тоже мёртвый, мёртвый...

По лицу шёл горячий прилив – слёзы заволакивали глаза, затягивали берега впалых щек, камень верхней губы, камень нижней губы...

На кладбище из-за слёз не сразу нашёл могилу. А как нашёл, полез трогать всё – и крест, и землю. Размёл рукою пластмассовые безымянные цветы, вынул из кармана вафли, прикопал возле креста. Грязными руками отёр глаза, повалился поверх могилы – сначала на живот, обнимая взрыхлённую с песком землю, перекатился на спину, извивался, рассыпая холм, наконец, ёжась, и обнимая сам себя, лежал, пока совсем не продрог. Пришлось подняться. Трясло от исступления, мучил голод. Выпитое на поминках уже не грело. Леонид раскопал вафли, зубами вскрыл упаковку, съел несколько, оставшиеся снова закопал. И пока

разминал сладость во рту вместе с песчинками, заметил что-то неподалёку от креста.

На земле лежала самодельная блесна из держала столовой ложки. Потертая, с цветочными разводами-узорами, размером со спичечный коробок, с отверстиями сверху и снизу металлического овала.

- Подарок? - сжал Леонид блесну в ладони, обернулся на крест, перекрестился и растянул в улыбке замерзшие щеки, – Кеша, это мне? Спасибо, брат!

Пазик заполнялся медленно. Леонид вошёл одним из последних, пассажиры косились, заметно отодвигались. Он весь в глине и грязи прошёл в конец салона и занял правый край промятого сиденья в последнем ряду. Соседкой оказалась та самая девушка в вязаной ушанке.

На её коленях снова стояла корзина, теперь пустая.